

С.С. Костырева

Заместитель директора Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат филологических наук, доцент

Коммуникативно- эпистемологическая интерпретация юридической герменевтики в мультидисциплинарной среде

Статья посвящена осмыслению теоретико-методологических основ коммуникативно-эпистемологической интерпретации юридической герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика, эпистема, текст, интерпретация.

Одной из наиболее значимых проблем, находящихся на стыке документоведения, лингвистики и юриспруденции, является проблема качества текстов официальных документов, особенно таких, которые способны своим действием повлиять на деятельность граждан и юридических лиц, другими словами – документов, обладающих юридической силой. Внешне способность таких документов воздействовать на сознание, волю и поведение отдельных людей проявляется в форме уяснения и интерпретации отдельных языковых элементов документных текстов и всей их совокупности с целью выбрать модель поведения и конкретные действия. Ключевое действие по интерпретации, с одной стороны, носит очевидную субъективную оценку, поскольку зависит от интеллектуальных возможностей интерпретаторов (образованность, уровень культуры, в том числе правовой), с другой стороны, оно в значительной степени зависит от того, насколько автор документа доступно, точно и однозначно составил текст, то есть оправданы ли выбранные им языковые средства, их организация самой целью документной коммуникации [5].

Поскольку герменевтика сегодня понимается как теория методологии, имеющая целью выявить смысл текста, исходя из его объективных (значение слов и

их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерения автора) оснований, то в систему юридической герменевтики входят: знания о способах выражения воли в юридическом тексте (юридическая техника); знания о приемах (способах) уяснения и разъяснения содержания юридического документа (толкование); знания о правовой экспертизе юридических текстов как специальной сфере знаний об исправлении дефектов юридических текстов, способах, приемах ее проведения и сферах применения.

Юридическая герменевтика во взаимосвязи с эпистемологической интерпретацией особое внимание уделяет не только изучению объективных закономерностей, связанных с созданием, принятием, толкованием и применением нормативно-правового акта, но также вопросам субъективного, личностного восприятия и преломления воспринятого через призму собственного правового мышления, правопонимания, систему ценностей правового материала. Юридическая герменевтика рассматривается как наука не только о толковании текстов нормативно-правовых актов, но и о процессе формирования правопонимания.

Текстуальное выражение правила поведения, закрепленного в одной статье нормативного правового акта, и логическое суждение имплицативного типа,

подлежащее применению в процессе правового воздействия на субъектов, не совпадают. Норма права как логическое суждение имплицативного типа представляет собой целостную модель поведения, содержащую сведения о государственной оценке такого поведения и соответственно о том правовом положении, которое возникнет у субъекта в случае совершения деяния, предусмотренного правовой нормой [6, с. 40].

В настоящее время в научной литературе, посвященной рассмотрению заявленной проблемы, очевидным становится приоритет комплексных исследований юридической герменевтики как самостоятельной юридической теории о специальных приемах (способах) изложения воли законодателя в тексте нормативного акта и воли участников правоотношений в иных юридически значимых документах, а также способах уяснения и разъяснения содержания юридического текста.

Поскольку юридическая герменевтика представляет собой сложное научное явление, основанное на подходах и методах предложенных философами как прошлого, так и настоящего, и находящее свое выражение, главным образом, в способах толкования текста юридического содержания, то степень научной разработанности складывается из нескольких составляющих.

Вопросами герменевтики как теории о понимании внутреннего мира автора (так называемое субъективное течение) занимались: в Средние века – Блаженный Августин, Гуго Гроций, в Новое и Новейшее время – Вильгельм Дильтей, Фридрих Даниель Эрнст Шлейермахер, Мартин Хайдеггер, Ханс-Георг Гадамер, Эмилио Бетти, Поль Рикер.

В юридической науке проблемам толкования посвящены работы в XIX веке европейских ученых Ф.К. Савиньи, Г.-Ф. Пухта, а немногим позже – Е.В. Васильковского, А.Д. Градовского, И.А. Покровского, Г.Ф. Шершеневича. За последнее столетие, так или иначе, проблемы выявления воли законодателя при движении правовой информации рассмотрены в работах С.С. Алексеева,

А.Я. Берченко, Н.Н. Вопленко, А.В. Малько, Н.И. Матузова, А.В. Мелехина, А.В. Мицкевича, П.Е. Недбайло, Г.С. Прокофьева, А.В. Полякова, А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, И.А. Маньковского.

Проблемы юридической техники нашли свое отражение в работах таких правоведов, как: Ф. Жени, Рудольфа фон Иеринга, Н.М. Коркунова, П.И. Люблинского, М.М. Сперанского, Ф.В. Тарановского, Л.М. Бойко, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Г.И. Денисова, Т.В. Кошаниной, О.Л. Красавчикова, В.Н. Карташова, Д.А. Керимова, Р. Лукича, Ю.А. Тихомирова, А.А. Ушакова, Д.В. Чухвичева. При этом в современной российской науке появились работы, в которых юридическая герменевтика рассматривается как методологическая основа для объяснения процесса формирования правопонимания, правосознания, правового мышления – работы Е.Н. Атарщиковой, А.И. Овчинникова, А.Е. Писаревского.

Теоретическую базу исследования вопросов нормотворчества составляют работы белорусских и российских специалистов о нормотворческой деятельности, таких как: И.П. Сидорчук, Г.А. Василевич, Д.В. Кузуров, В.А. Кодавбович, Е.В. Жигалко, А.Ф. Вишневский, А.Н. Пугачев, И.И. Пляхимович, С.С. Алексеев, Н.А. Горбатов, К.А. Ласточкина, А.Б. Венгеров, В.В. Оксамытный и др., а также материалы, содержащиеся в научных статьях и комментариях руководителей и специалистов государственных органов, осуществляющих подготовку и принятие нормативных правовых актов.

Определим понятийно-терминологический аппарат, необходимый для аналитико-синтетической деятельности в рамках исследования проблемы соотношения онтологии понимания и эпистемологии интерпретации.

Под эпистемой, как известно, понимается система ценностей, смыслов и нормативно-регулятивных принципов, выраженных в языке в виде понятий, возникающих и функционирующих в

определенном конкретно-историческом и культурном контекстах. Эпистема есть обусловленное исторически культурно-когнитивное априори, совокупность правил и отношений в конкретном месте и в определенном времени, формирующих условия существования исторических форм культуры и знания. Уровень эпистемы (знание) предшествует научным дискурсам (познание).

Герменевтика – философское учение об онтологии понимания и эпистемологии интерпретации. Эпистемология интерпретации – теория научного истолкования чего-либо. Эпистемология (греч. *episteme* – знание, *logos* – учение) – философско-методологическая дисциплина, изучающая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие. Традиционно отождествляется с теорией познания.

Можно выделить несколько наиболее распространенных трактовок понимания:

1. Понимание как декодирование (Дубровский Д.И. [3], Основин Ю.А., [7], Жинкин Н.И. [4], Даскал М. [12], Харрисон Б. [13]).

В рамках рассматриваемой трактовки понимания не решается проблема многозначности текста, вариативности его понимания.

2. Понимание как перевод на «внутренний язык» (Вежбицка А. [17, 18], Апресян Ю.Д. [1], Павилёнис Р.И. [8]).

3. Понимание как интерпретация (Бейкер Дж., Хэкер П. [11], Гюббенет И.В. [2]).

4. Понимание как результат объяснения.

По мнению Г. Парре, «иногда объяснение действительно обеспечивает нам понимание, в котором мы до этого нуждались; в других случаях объяснение нам просто показывает, почему и как мы уже поняли нечто» [15, с. 3].

В.С. Черняк отмечает: «Понять что-то можно и без объяснения, но объяснить что-то нельзя без понимания этого что-то» [10, с. 63].

5. Понимание как оценка.

«Процесс понимания можно охарактеризовать как преобразование

объективной информации в субъективный процесс ее осознания...» [9, с. 8].

Объединяет перечисленные выше точки зрения признание того, что категория смысла – это основная категория герменевтики. Юридической герменевтике свойственно рассматривать юридическую реальность в целом как текст (текстуализировать реальность), нуждающийся в интерпретации. Современные исследователи расширяют представления о предмете исследования юридической герменевтики; он представляется не только как смысл юридических текстов в широком смысле слова (т.е. юридическая реальность как таковая), но как смысловые основания юридического дискурса – т.е. система юридического знания, выраженная в языке. Предметом исследований предстает смысл как отдельных позитивно-правовых установлений, так и всей правовой реальности в целом, понимаемой как текст или дискурс.

Юридическая герменевтика, с одной стороны, нацелена на преобразование существующего в обществе правового порядка, т.е. на правотворчество, с другой стороны, на осмысление правовых явлений действительности применительно к функционированию действующей в обществе правовой системы. Интерпретация такого рода заключается в выявлении смысла, заложенного законодателем в текст нормативно-правового акта, а также выявления юридического смысла конкретной ситуации, конкретных отношений между людьми, которые или урегулированы правом или требуют такой регуляции.

Понимание предполагает наличие смысловой константы, которая есть смысл нормы, закона, правоприменительного акта. Задача прикладной юридической герменевтики – понять смысл права и соотнести его с данным случаем, казусом. Таким образом, прикладная юридическая герменевтика ориентирована, главным образом, на правоприменение.

По мнению большинства исследователей, знание о праве глубоко герменевтично по своей сути, поскольку

оно неотделимо от истолкования различных форм и источников права – как исторических правовых документов, так и действующих правовых актов.

Юридическая герменевтика по своей природе антропологична, потому как понимание права всегда сопряжено с самопониманием человека.

Правопонимание носит диалогический характер, поскольку в его процессе всегда устанавливается незримый диалог между законодателем в широком смысле, непосредственно автором текста – исторических правовых документов или действующих правовых актов, правовых норм, и реципиентом текста, толкователем – правоприменителем или исследователем-правоведом. Правопонимание подчинено принципу «лучшего понимания», поскольку каждая последующая интерпретация права, как правило, шире предыдущей, в силу включения в его пространство новых смысловых элементов, порожденных осмыслением единичных случаев, казусов.

Понимание какого-либо исторически существующего правового явления – текста, достигается посредством понимания исторической ситуации, в которой оно возникло – контекста и наоборот; и т.д.

Лексическое значение слова «интерпретация» – объяснение, комментарий, разъяснение, толкование – трактуется в большинстве случаев как не просто допускающее, а предполагающее вариативность трактовки.

По сути, и для нормотворчества, и для правоприменения важно установить, как рождается интерпретаторское (комментирующее, разъясняющее, а не только констатирующее факты) научное знание.

В околонучной среде довольно прочно укоренилось мнение, что интерпретация – достаточно свободный творческий акт, вследствие этого герменевтическая парадигма оправданно характеризуется терпимостью к множественности результатов интерпретации.

Мы же утверждаем, что, хотя на сегодняшний день невозможен полный учет и научная рационализация проблем смыслопорождения, можно констатировать,

что в тексте задан некий смыслодержательный инвариант текстовой информации, которым многочисленные варианты интерпретаторов направляются и ограничиваются, что делает их не беспредельными. Необходим анализ разноуровневых языковых средств, при котором внимание уделяется их роли в процессе восприятия смысла текста. Сигналом присутствия подтекста, чужеродного понятия для юридического текста, может стать единица любого уровня, реализующая в своем окружении свое «дотекстовое» или приращенное в тексте значение.

В герменевтике сложились две точки зрения относительно сущности интерпретационного процесса: 1) интерпретация есть реконструкция авторских смыслов, их обнаружение в исследуемом объекте; 2) интерпретация есть конструирование собственного смысла в результате развертывания имманентной логики текста, который рассматривается как относительно самостоятельная по отношению к его творцу данность.

Как справедливо отмечает Дж. Т. Теннис, расцвет эпистемологии определяется в настоящее время тем, что мы существуем в мультидисциплинарной среде, что обеспечивает ученых инструментарием для решения проблемы организации информации, например, в юриспруденции. Решая, как устроена «организация информации» (мы предлагаем вариант перевода *knowledge organization* как «знаниевая организация, или организация знания»), мы неизбежно становимся компаративистами [16].

На наш взгляд, особенно убедительно раскрывает взаимосвязь права и эпистемологии А. Стейн, демонстрирующий на примере принятия решения присяжными, апелляционными судами, верховными судами на основании «правила большинства». Если же решение принято не единогласно, значит, система простого подсчета голосов с установлением перевеса в сторону «виновен» или «невиновен» не гарантирует справедливого и однозначного понимания и установления фактов процесса, что, в свою очередь,

должно озадачить выносящего окончательный вердикт по делу. Разногласия между судьями и присяжными заседателями, следовательно, устраняются, а не учитываются как фактор, который снижает объективность неоднозначного решения [14].

А. Стейн полагает, что вынесение вердикта на основании решения, принятого простым большинством принципиально несовместимо с эпистемологическими принципами рационального установления фактов. Например, когда человек делает фактический вывод, основанный на всей имеющейся информации, а затем понимает, что другой, столь же информированный и честный человек – «эпистемически равный» – приходит к другому мнению, и это снижает степень уверенности в своем первоначальном мнении. Несогласие эпистемически равных – это доказательство того, что человек не может рационально игнорировать этот факт. Когда истина важна и стоимость ошибки высока, закон и эпистемология должны работать в тандеме.

Таким образом, наука эпистемология раскрывает пути понимания предмета. Она исследует человеческую природу знания, особенно концентрируясь на том, как слова приобретают различные значения. Поскольку право, больше чем большинство областей знаний, связано с использованием и интерпретацией языка, эпистемология может помочь людям понять и оценить непреклонность следования основным эпистемологическим теориям познания, особое внимание уделяя естественному языку юридического дискурса.

Если познание имеет дело с текстами (соответственно контекстами и подтекстами), символами – языком (естественным и искусственным) в целом, то в современной теории познания, или эпистемологии, необходимо использовать опыт герменевтики, задача которой – понимание, интерпретация текстов, знаковых систем, символов.

Таким образом, говоря о юридической герменевтике как о разделе науки о понимании, можно сделать следующий вывод. Возможность исключить амбивалентность понимания и

множественность интерпретаций правовой нормы может быть достигнута двумя средствами: способами толкования, а также техническими средствами и приемами организации и построения правового текста (юридической техникой). Толкование как процесс, нацеленный на установление (уяснение), разъяснение воли законодателя, также невозможен без применения знаний о формировании законодательного текста. И, наоборот, при отсутствии или недостаточности знаний о проблемах восприятия, интерпретации юридического текста невозможно обогатить, усовершенствовать юридическую технику.

Формирование правовой нормы и её толкование основано на одних и тех же принципах, закономерностях, приемах – это стороны одного и того же процесса. Это процесс передачи информации о правовом предписании, правовой модели поведения, содержащейся в правовой норме. Достижение понимания правовой нормы возможно как за счет работы с ее содержанием: юридической конструкцией, целью, функцией правовой нормы (категории, относимые к толкованию), так и за счет форм ее выражения, способов и средств изложения правового материала (категории, относимые к юридической технике).

В настоящее время актуальность приобретают научные поиски подхода, позволяющего наиболее эффективно исследовать два взаимосвязанных процесса: изложение воли в юридическом тексте и восприятие воли, содержащейся в юридическом тексте. Способы и приемы юридической техники служат средствами, позволяющими ориентироваться в выборе подходящих и эффективных способов толкования для каждого конкретного правового текста.

Междисциплинарный подход обуславливает применение особой методологии экспертной лингвистической деятельности, составляющей основу герменевтико-эпистемологической экспертизы, осуществляемой в рамках существования и функционирования юридического дискурса.

Библиографический список:

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 366с.
2. Гюббенет, И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на англ. материале) / И. В. Гюббенет. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 112с.
3. Дубровский, Д. И. Понимание как расшифровка кода (информационный подход к проблемам герменевтики) / Д. И. Дубровский // *Философские основания науки.* – Вильнюс, 1982. – С. 128 – 133
4. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 157с.
5. Кушнир, О. Н., Мартюшев, И. А. Документная коммуникация в контексте лингвистической экспертизы / О. Н. Кушнир, И. А. Матюшев // *Юрислингвистика.* – 2016. – № 5. – С. 16 – 26.
6. Маньковский, И. А. Теоретико-прикладные проблемы формирования модели гражданско-правового регулирования в новых экономических условиях / И. А. Маньковский // *Государство и право в XXI веке.* – 2016. – № 2. – С. 39 – 48.
7. Основин, Ю. А. Соотношение гносеологического и языкового аспектов понимания / Ю. А. Основин // *Методологические приемы науки и культуры. Межвузовский сб.* – Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1987. – С. 60 – 70.
8. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла / Р. И. Павилёнис. – М., Мысль, 1983. – 286 с.
9. Селицкая, Л. А. Гносеологическая природа понимания: автореф. дис. ... канд. филос. н. / Л. А. Селицкая. – Л., – 1976. – 20с.
10. Черняк, В. С. О смысле понимания и понимание смысла / В. С. Черняк // *Вопросы философии.* – М., 1986. – № 8. – с. 59 – 63.
11. Baker G. P., Hacker P.M.C. Language, sense and nonsense. – Oxford: Basil Blackwell, 1984. – XIII. – 397p.
12. Dascal M. Strategies of understanding // *Meaning and understanding.* – B.; N.Y.: De Gruyter, 1981. – p. 327 – 352.
13. Harrison B. An introduction to the philosophy of language. – L.: Basingstoke. Macmillan, 1979. – XII. – 303p.
14. Law and the epistemology of disagreement / Alex Stein Forthcoming in *96 Washington University Law Review.* – 2018. – 56 с.
15. Parre H. Contexts of understanding. – Amsterdam: Benjamins, 1980, 109p.
16. Tennis, J. T. Epistemology, Theory, and Methodology in Knowledge Organization: Toward a Classification, Metatheory, and Research Framework / Preprint of J. T. Tennis. In *Knowledge Organization.* – 2008. – 35(2/3). – p. 102 – 112.
17. Wierzbicka A. *Lingua mentalis: The semantics of natural language.* – Sydney etc.: Acad.press, 1980. – XI. – 367p.
18. Wierzbicka A. *Semantic primitives.* – Frankfurt a.M.: Athenäum, 1972. – 6. – 235 p.

©Костырева С.С., 2018